

² Гердер. Идеи к философии истории человечества. М., 1977, с. 51—52.

³ Берг Л. С. Труды по теории эволюции. М., 1977, с. 65.

⁴ Сент-Илер Жоффруа Э. Избранные труды. М., 1970, с. 484.

⁵ Кювье Ж. Рассуждения о переворотах на поверхности земного шара. М. — Л., 1937, с. 150.

⁶ Цит. по кн.: Филиппченко Ю. А. Эволюционная идея в биологии. М., 1977, с. 26.

⁷ Канаев И. И. Ж. Кювье. Л., 1976, с. 195.

⁸ Кювье Ж. Указ. соч., т. 130.

И. Д. КОПЦЕВ

О логико-семантических принципах построения текста в «Критике чистого разума»

«Критика чистого разума» как жанр представляет собой — на это указывает и сам Кант — философский трактат, содержащий полное изложение его философских концепций. «Эта критика, — говорит он, — есть трактат о методе, а не система самой науки, но тем не менее в ней содержится полный очерк метафизики, касающийся вопроса о ее границах и о всем внутреннем ее строении» (3, 91).

Приступая к изложению своей системы метафизики, Кант полагал, что она должна быть «необходимо построена догматически и в высшей степени систематически, следовательно, по-ученому (не популярно)» (3, 99). И в этом он следует примеру Вольфа, самого, по его мнению, догматического философа. Метафизике, по Канту, следует вступать на верный путь науки с помощью «законосообразного установления принципов, отчетливого определения понятий, испытанной строгости доказательств и предотвращения смелых скачков в выводах» (3, 99).

В другом месте «Критики...» читаем: «...Эти авторы (авторы новейших философских сочинений) полагают, что постулировать — значит выдавать некоторое положение за непосредственно достоверное без обоснования и доказательства; однако, если бы мы должны были допустить, что для синтетических суждений, как бы они ни были очевидны, можно требовать безусловного одобрения без дедукции в силу одного лишь авторитета их собственных утверждений, то вся критика рассудка свелась бы на нет... Таким образом, если к понятию вещи а priori синтетически прибавляется какое-то определение, то непременно должно быть присоединено если не доказательство, то по крайней мере дедукция правомерности утверждения такого суждения» (3, 293—294).

Эти обширные цитаты приведены потому, что они имеют непосредственное отношение к построению и разворачиванию текста, его организации в «Критике чистого разума». Выдвигая то или иное положение, Кант непременно доказывает или обосновывает его, снабжает его многочисленными пояснения-

ми и примечаниями. При этом обоснование (доказательство) строится либо от причины к следствию, либо от следствия к причине (основанию).

Имплицативная форма используется Кантом обычно как средство перехода от проблематичных суждений к ассергори-ческим и аподиктическим. Так, анализируя гипотетическое суждение «если существует полная справедливость, то несправедливый злодей будет наказан», он говорит, что здесь не решается вопрос, истинно ли каждое из этих положений само по себе, что таким суждением мыслится только следствие. Поэтому имплицативная форма используется в фрагментах текста, содержащих доказательства или дедукцию тех или иных положений. Однако нас интересует этот принцип не в плане формальной логики, а как один из основных приемов текстообразования, как композиционный принцип построения и делimitации (членения) текста. Поясним это на примере (приводится в сокращенном виде):

1. (1) «Таким образом, все явления вообще суть величины непрерывные — экстенсивные величины с точки зрения их созерцания... (2) Если синтез многообразного содержания явления прерывен, то он агрегат многих явлений... (3) Если я называю 13 талеров денежной величиной, то я их обозначаю правильно постольку, поскольку я разумею под этим полфунта чистого серебра... (4) Но если под этим названием я разумею 13 круглых талеров как столько-то монет, то я неправильно именую их денежной величиной, а должен считать их агрегатом, т. е. числом монет. (5) Однако так как в основе числа лежит единица, то в качестве единицы всякое явление есть величина, и как таковая, оно всегда есть нечто непрерывное» (3, 244).

Данное СФЕ (сверхфразовое единство) состоит из пяти предложений, из которых лишь только первое, ключевая фраза, не построена по форме «если..., то...». Схематически данное СФЕ можно представить следующим образом:

- (1) тезис
- (2) Если..., то...
- (3) Если..., то...
- (4) Но если..., то ...
- (5) Однако так как..., то ...

Подобная схема построения СФЕ встречается в тексте «Критики...» в более или менее чистом виде довольно часто. Но чаще она комбинируется с другими видами логико-синтаксических отношений, образуя структурный стержень всего построения, остальные отношения выступают как подчиненные ему. Например:

2. «Если необходимый закон нашей чувственности и, стало быть, формальное условие всех восприятий состоит в том, что последующее время с необходимостью определяется предыду-

щим временем (так как я не могу дойти до последующего иначе как через предшествующее), то и необходимый закон эмпирического представления о временном порядке состоит в том, что явление прошедшего времени определяет всякое существование в последующем времени, и этим последующие явления как события могут иметь место лишь постольку, поскольку первые определяют их существование во времени, т. е. устанавливают его согласно правилу. В самом деле, только в явлениях можем мы эмпирически познать эту непрерывность в связи времен» (3, 266).

В этом примере антецедент включает следующие частные пропозиции:

(1 проп.) Необходимый закон нашей чувственности состоит в *x*.

(2 проп.) Формальное условие всех восприятий состоит также в *x*.

(3 проп.) Последующее время с необходимостью определяется предыдущим временем.

(4 проп.) Я не могу дойти до последующего иначе, как через предшествующее.

Консеквент включает в свою очередь следующие пропозиции:

(1 проп.) Необходимый закон эмпирического представления о временном порядке состоит в *x*.

(2 проп.) Явления прошедшего времени определяют всякое предшествование в последующем времени.

(3 проп.) Эти последующие явления как события могут иметь место в силу *x*.

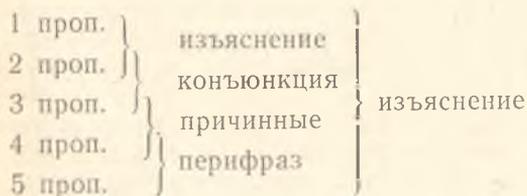
(4 проп.) Явления прошедшего времени определяют существование последующих явлений во времени.

(5 проп.) Они устанавливают это согласно правилу.

Отношения между пропозициями в антецеденте следующие:

Отношения между пропозициями в консеквенте:

Общая схема всего СФЕ такова:

И М П Л И К А Ц И Я	Если...	1 проп. } 2 проп. }	конъюнк.	} изъяснение	} причинно- следственное отношение	
		3 проп.				
		4 проп.				
	то...	5 проп. } 6 проп. }	} изъяснен. конъюнк. причинные перифраз	} изъяснение	}	}
		7 проп.				
		8 проп.				
		9 проп.				

Таким образом, имплицативное отношение является для данного СФЕ основным, частными отношениями будут опять-таки отношения причинно-следственные и изъяснительные, побочными — остальные. Ключевая фраза (тезис) данного СФЕ появляется лишь в конце как вывод. При таком построении СФЕ отчетливо делится с точки зрения информации на две части: «данное» (или «тему»), несущее так или иначе известную информацию, и «новое» (или «рему»), несущее новую информацию и ведущее рассуждение дальше. Это обычный, так, сказать, нейтральный порядок следования суждения или дедукции. Более эмфатическим в логическом смысле является обратный порядок следования, когда «рема» предшествует «теме». Это обычно имеет место у Канта, если речь идет о наиболее важных основоположениях, которые необходимо доказать. В этом случае сначала дается (постулируется) тот или иной тезис, затем следует обычно развернутое его доказательство и в заключение подводится итог. Структура СФЕ в этом случае, следовательно, трехчастная. Например:

3. (1) «Время не есть эмпирическое понятие, выводимое из какого-нибудь опыта. (2) В самом деле, одновременность или последовательность даже не воспринималась бы, если бы в основе не лежало априорное представление о времени. (3) Только при этом условии можно представить себе, что события происходят в одно и то же время (вместе) или в различное время (последовательно)».

Данные СФЕ отчетливо делятся на три части:

- (1) тезис,
- (2) обоснование тезиса,
- (3) вывод (итог).

Интересно отметить, что оба принципа построения текста взаимнообратимы. Так, в последнем примере тезисную и обосновывающую части можно связать также и имплицативным суждением: «Если бы в основе [в мышлении] не лежало априорное

представление времени, то одновременность или последовательность не воспринимались бы [нами], следовательно, время было бы эмпирическим понятием».

Однако этот последний вариант в смысле логической модальности менее аподиктичен. Это уже видно по форме основного тезиса в первом и втором вариантах: в первом модальность действительности выражена эксплицитно с помощью связки «есть», во втором она содержится лишь имплицитно («следовательно, время *было бы* эмпирическим понятием»).

Оба варианта причинно-следственных отношений, показанных выше на примере сверхфразовых единиц, лежат в основе построения гораздо больших по объему единиц текста, которые можно было бы назвать комплексами сверхфразовых единиц (КСЕ), или сверхабзацными единицами (САЕ). В таких единицах текста в качестве текстообразующих принципов выступают логические отношения конъюнкции, дизъюнкции, имплицитности, антиимплицитности и другие отношения. Ярким примером такой единицы в «Критике...», построенной с помощью импликации, может служить § 9, посвященный анализу функций рассудка в суждениях. По существу, мы имеем дело здесь с текстовым имплицитным суждением большого объема. Так как весь интерес в имплицитном суждении сосредоточен на консеквенте, несущем новую информацию, то он занимает почти четыре страницы текста, разбитые на четыре подпункта. Вот этот пример (мы приводим только ключевые фразы):

4. «Так как это деление (деление суждений) в некоторых, правда, несущественных, отношениях отклоняется от принятой в логике техники, то здесь уместны следующие предостережения против возможных недоразумений:

(1). Логика справедливо говорит, что при употреблении суждений в умозаключениях единичные суждения можно ставить наравне с общими. Действительно...

(2). Точно также в трансцендентальной логике следует еще отличать бесконечные суждения от утвердительных... В самом деле...

(3). Все отношения мышления в суждениях бывают следующих видов:...

(4). Модальность суждений есть совершенно особая функция их;...» (3, 168—172).

В данном САЕ имплицитное суждение выполняет не формально-логическую, а формально-текстовую (композиционно-структурную) функцию введения собственно информативных фрагментов текста. Пунктирование частей консеквента служит дополнительным вспомогательным средством членения и объединения всего фрагмента в единицу текста. Отношение конъюнкции, представленное формально нумерацией абзацев (часто это делается также с помощью союзных сочетаний «во-

первых», «во-вторых» и т. д.) подчинено формально имплицитивному. Тем самым наблюдается определенная иерархия логических отношений как композиционных принципов текстообразования.

Другой разновидностью имплицитивного принципа построения САЕ как тестового суждения является имплицитная импликация, когда последняя формально с помощью союзов «если..., то...» не выражена, но последовательность суждений от основания к следствию остается. В качестве примера можно привести раздел второй «Системы основоположений чистого рассудка» (см. 3, 231—234). Этот раздел состоит из девяти абзацев, которые разбиваются на три САЕ, каждое из которых, в свою очередь, разбивается на три абзаца. Начало каждого САЕ маркировано antecedентной частью его, а конец — консеквентной частью, формально сигнализируемой текстовыми союзами и союзными сочетаниями со следственным значением «итак», «следовательно», «поэтому», «таким образом» и др. (в немецком тексте also, demnach, folglich). Абзацы-посылки и абзацы-следствия распределены в каждом САЕ следующим образом:

1 САЕ:	1. абзац } 2. абзац }	антецедент
	3. абзац —	
2 САЕ:	1. абзац —	антецедент
	2. абзац	консеквент
	3. абзац }	
3 САЕ:	1. абзац } 2. абзац }	— антецедент
	3. абзац }	

Так как antecedенты и консеквенты в данных САЕ представлены не предложениями, а текстами, то возникает необходимость выделения семантического ядра (главных посылок) antecedента и семантического ядра (главных выводов) консеквента. В качестве примера мы проанализируем первое САЕ.

Главными посылками в нем являются:

1. Объяснение возможности синтетических суждений стоит в трансцендентальной логике на первом месте и даже составляет ее единственный предмет.

2. В синтетических суждениях необходимо выйти за пределы данного понятия с тем, чтобы синтетически сравнить с ним другое, нежели то, что в нем мыслится.

Ядро консеквентной части представлено следующими пропозициями:

1. Для этого необходимо нечто третье, а именно: совокупность всех трех источников представлений: время, синтетическая способность воображения, производящая представления, и их синтетическое единство, основанное на единстве апперцепции.

2. Возможность синтетических суждений, а также чистых синтетических суждений следует искать в этих последних.

Выделив ядра текстовых посылок и следствий из них, мы можем теперь связать их формально с помощью следующего имплекативного суждения: «Если необходимо объяснить возможность синтетических суждений, в которых должно выйти за пределы данного понятия с тем, чтобы сравнить с ним синтетически другое, нежели то, что в нем мыслится, то ее следует искать в совокупности всех трех источников представлений: времени, синтетической способности воображения и в их синтетическом единстве на основе единства апперцепции».

Возможность подобного представления семантических ядер обеих частей САЕ свидетельствует, в первую очередь, о логико-смысловом единстве всего данного САЕ, имплицитно содержащем имплекативное суждение, в котором антецедент и консеквент взаимно предполагают друг друга, направлены друг к другу. Схематически это можно представить в виде двух стрелок, направленных острием друг к другу, т. е. антецедент консеквент.

Подобной же направленностью друг к другу характеризуются антецедентные и консеквентные части остальных САЕ данного раздела. Границы между САЕ проходят на стыке между каждой парой таких стрелок, т. е. схема такова:

$\begin{array}{ccccccc}
\text{антец.} & \text{консек.} & | & \text{антец.} & \text{консек.} & | & \text{антец.} & \text{консек.} \\
\longrightarrow & \longleftarrow & & \longrightarrow & \longleftarrow & & \longrightarrow & \longleftarrow
\end{array}$

Начало каждого следующего САЕ маркировано гипотетическими суждениями: «Если знание должно иметь объективную реальность..., то необходимо, чтобы предмет мог быть каким-то образом дан» и «Так как опыт как эмпирический синтез есть по своей возможности единственный вид знания..., то...».

Интересно отметить, что и все три данных САЕ составляют, в свою очередь, одну концептуальную единицу — раздел. Каждое САЕ выполняет в ней определенную функцию. Так, в первом говорится о возможности, во втором — о реальности, в третьем — о необходимости высших основоположений всех синтетических суждений. Каждое САЕ отражает одну из трех (по Канту) модальностей суждения — проблематическую (первое), ассерторическую (второе) и аподиктическую (третье). Поэтому место каждого САЕ строго определено в разделе логики и модальностью рассуждения, которую Кант рассматривал как три момента мышления вообще.

Все это свидетельствует о том, что к построению текста, как и всей своей системы, Кант подходил в высшей степени методично, системно, тщательно продумывая его архитектуру.

Обратное отношение, вернее следование частей (от следствия к причине), также конституирует в тексте «Критики...» свой САЕ, но с иной структурой компонентов. Сначала постулируется тезис, который нередко выносится Кантом в самостоятельный абзац, дабы подчеркнуть его важность, затем следует его доказательство (часто довольно развернутое), и, наконец, вывод. Примером подобного построения САЕ может служить раздел о трех аналогиях опыта, в частности, третья аналогия (см. 3, 274—278).

Все данное САЕ состоит из семи абзацев, причем тезис образует самостоятельный абзац (формально), что подчеркивает его важность, ведь остальной текст строится ради него. Доказательство составляет три следующих абзаца, пятый представляет собой резюме, а шестой и седьмой абзацы — пояснения. Схема всего САЕ такова:

1. абзац — тезис	
2. абзац	} доказательство
3. абзац	
4. абзац	
5. абзац — резюме	
6. абзац	} пояснение
7. абзац	

Выделение всех компонентов данного САЕ в абзацы не свидетельствует об их композиционной самостоятельности. Тезис является лишь относительно самостоятельным, ибо предполагает последующее доказательство, в нем содержится векторная направленность вперед². Доказательство как форма речи также не является самостоятельной формой. Это синсемантическая форма речи, предполагающая то, что подлежат доказательству, т. е. некую начальную форму речи. Резюме также не является самостоятельной (автосемантической) формой, так как предполагает предыдущий контекст, оно имеет по содержанию векторную направленность назад, завершая процесс доказательства (ср. слова — текстовые союзы: «итак», «таким образом», «следовательно» и др.). Абзацы-пояснения также содержат в себе дейксис (указание) назад, на предыдущий контекст, так как поясняет то, что говорилось выше. Следовательно, лишь все вместе эти абзацы составляют самостоятельную текстовую единицу — САЕ. Общность данной единицы обеспечивается взаимной обусловленностью ее компонентов, синсемантической формой речи, в ней представленных. Причем

в тексте дейкисом вперед обладают такие формы речи, как полагание, т. е. установление того или иного тезиса, определение (дефиниция), постулирование, введение тех или иных понятий (интродуктивные формы речи), а остальные формы — доказательство, обоснование, пояснение, подытоживание, иллюстрирование, конкретизация и др. — содержат эксплицитно или имплицитно дейкис назад, к тому, что доказывается, конкретизируется, обосновывается и т. д. Таким образом, схема отношений компонентов данного САЕ такова:

Взаимообусловленность частей САЕ не исключает наличие таких же отношений в более мелких текстовых единицах, таких как СФЕ или абзац. Более того, наличие подобных же отношений в них способствует членению САЕ на СФЕ и абзацы.

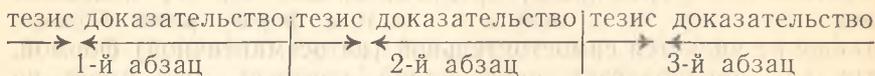
Так как доказательство — мы продолжаем анализ нашего САЕ — не может обойтись, в свою очередь, без посылок и следствий из них, то и в трех абзацах нашего примера, составляющих доказательство, мы находим три вспомогательных посылки, а именно:

1. «Вещи называются существующими одновременно, когда в эмпирическом созерцании восприятие одной вещи может чередоваться с восприятием другой вещи».

2. «Вещи сосуществуют, поскольку они сосуществуют в одно и то же время».

3. Если бы в «многообразии субстанций как явлений каждая из них была бы совершенно изолирована», то «одновременное существование их не было бы предметом возможного восприятия и существование одной из них не могло бы никаким эмпирическим синтезом приводить нас к существованию другой» (3, 274—278).

Каждый абзац, таким образом, посвящен доказательству и обоснованию своих посылок, вспомогательных тезисов. Схема взаимоотношений в тексте доказательства следующая:

Однако эти отношения внутри абзацев подчинены более общим отношениям в САЕ. Между главным тезисом его и вспомогательными тезисами существуют отношения компонентов условного логического силлогизма. Дело в том, что главный тезис представляет собой имплицитное суждение: «Если все субстанции могут быть восприняты в пространстве как одновременно существующие, то они находятся в полном взаимодействии». Вспомогательные тезисы содержат утверждение и обоснование, а третий тезис даже доказательство основной

посылки главного тезиса. В конце САЕ делается соответствующий вывод, так что все САЕ представляет собой развернутый в текст условный силлогизм, что обеспечивает его полное логико-смысловое единство.

Таким образом, текст «Критики чистого разума» представляет собой целую иерархию причинно-следственных и условно-имплицативных отношений, существующих как внутри СФЕ и абзаца, так и в САЕ и последовательностях САЕ. Эти отношения способствуют как членению текста, так и его связи в единое целое.

В данной статье были рассмотрены в основном две разновидности САЕ, основанные на причинно-следственных отношениях. Эти отношения изоморфны в различных единицах текста. Они выступают одновременно и как глобальные композиционные принципы построения текста в «Критике чистого разума».

1. О понятии сверхфразового единства и его соотношениях с абзацем см.: Копцев И. Д. Некоторые вопросы организации текста в «Критике чистого разума» И. Канта. — В кн.: Кантовский сборник. Калининград, 1983, вып. 8, с. 89—100.

² Термин заимствован у И. Р. Гальперина. — См.: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, с. 59.

Д. С. ШИМАНОВСКИЙ

Проблема морального самосознания в этике И. Канта

В истории философии тайна человеческого сознания глубоко интересовала Сократа и Платона, Декарта и Спинозу, Локка и Лейбница. Но материалисты обращали преимущественное внимание на ту сторону духовного мира человека, которую сегодня именуют предметным сознанием, нередко игнорируя его обращенность на самого субъекта (самосознание). Идеалисты же, по существу, сводили сознание к мистифицированному самосознанию, отрицая его обусловленность внешним миром как объективной реальностью. И Кант первым из представителей немецкого классического идеализма попытался осуществить многоплановое исследование самосознания в гносеологическом, этическом и психологическом аспектах. Но именно эта часть его теоретического наследия остается наименее изученной.

В центре философии И. Канта — человек как двойственное по своей природе существо: телесное в мире феноменов и в то же время духовное в мире умопостигаемых сущностей (ноуменов). В отличие от Декарта он полагал, что по своей эмпирической природе человек изменчив и гетерономен, поскольку находится в причинной зависимости от других тел, а в «интеллигибельной» сущности постоянен и автономен, ибо его образ мыслей определяется собственным разумом и волей. Согласно Канту, в человеке можно выделить «психологиче-